

Секция «Журналистика»

Вопросы религии в повести Дж. Д. Сэлинджера «Фрэнни и Зуи»
Попова Маргарита Сергеевна

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия
E-mail: velosiped.velosiped@gmail.com*

Джером Дэвид Сэлинджер — культовый американский писатель XX века. Наибольшую известность приобрёл его роман «Над пропастью во ржи». Сэлинджер является автором так называемой саги о Глассах, несколько идеализированном американском семействе. Диптих «Фрэнни и Зуи» также является частью саги.

Я выбрала именно эту повесть потому, что, на мой взгляд, в ней (помимо прочих) ставится интереснейшая проблема взаимоотношения восточного и западного понимания религии: синкретизма, дзен-буддизма, индуизма с одной стороны и христианской доктрины — с другой. Эта проблема была особенно актуальной в американском обществе в 60-е годы XX века, когда молодые люди находились в поиске новых ценностей взамен устаревших и фальшивых, однако остаётся важной и сейчас. Это подтверждает пример финской театральной труппы «Братья Хоукка», ставившей спектакли на ту же тему.

Философское осмысление повести невозможно без внимательного рассмотрения персонажей, особенностей их воспитания, речи, характера. Главными действующими лицами повести являются дети супружеской четы Гласс Симор (самый старший брат и самый одарённый из всех, духовный лидер всей семьи, покончивший с собой), Бадди (рассказчик в большинстве повестей), Зуи (красивый и чрезвычайно талантливый телевизионный актёр) и Фрэнни (самая младшая, тоже красивая и тоже талантливая актриса).

Симор и Бадди играют роль духовных наставников Фрэнни и Зуи, и именно они воспитывали своих младших сестру и брата в синкретическом ключе, в традициях дзен-буддизма. Лучше всего это иллюстрирует цитата, которую Бадди приводит в письме к Зуи: «Пребывать в состоянии чистого сознания — сатори — это значит пребывать с Богом до того, как он сказал: ‘Да будет свет’».

Тем не менее, именно Зуи предстаёт в повести в качестве главного защитника христианской доктрины. Свою позицию он неоднократно высказывает в диалогах с Фрэнни и в саркастических ремарках относительно того образования, что дали ему старшие братья.

Главная категория, на которой Зуи акцентирует внимание Фрэнни (и читателя) — человечность, иногда даже гиперболизированная, внимание к человеку, любовь к человеку — такому, каков он есть. В связи с этим он обращает внимание Фрэнни на то, что она неправильно трактует образ Христа: «Он ведь просто самый разумный человек в Библии, вот и всё». Человечность Христа Зуи обнаруживает и позже, когда в повести появляется образ Толстой Тёти как сути человечности, даже несколько преувеличенная человечность. «И разве ты не знаешь — слушай же, слушай, — кто эта Толстая Тётя на самом деле? Эх, брат. Эх, брат. Это же сам Христос».

В связи с этим актёрство Зуи воспринимает как религиозный акт, как альтернативу Иисусовой молитве, обесмысливающей мантре. Искусство актёра, считает Зуи, направлено прежде всего на человека, существует ради человека — а следовательно, и ради Бога.

Актёрство пронизывает всю повесть — даже структурно «Фрэнни и Зуи» напоминает пьесу. Свидетельство тому — ограниченные пространства, диалоги, чрезвычайное внимание к жестам действующих лиц, даже занавеска в ванной — своеобразный занавес.

Всё это, однако же, вступает в противоречие с тем образованием, которое Зуи давали его старшие братья; он по-прежнему колеблется, он находится на границе между дзен-буддизмом и христианством. Так, например, в его протесте против Иисусовой молитвы можно рассмотреть мотивы разногласий по отношению к мантре в буддизме между браминами и сторонниками санкхьи и йоги. Помимо этого, Симор для него — по-прежнему святая фигура, наставник, Будда.

В защиту синкретизма в повести выступают незримо присутствующие Симор и Бадди. Об этом говорится как открытым текстом, так и через детали и цитаты.

Особое внимание следует уделить цитате из «Завета Шри Рамакришны», своеобразному манифесту синкретизма, в которой говорится о том, что все молятся одному и тому же Богу, и Бог настолько могущественен, что понимает сердце молящегося, несмотря на его ошибки. Это — прямое противоречие требованиям Зуи о специфицировании Бога, его словам о том, что без точного понимания личности Бога молитва не имеет никакого смысла.

В финале повести к синкретическому пониманию проблемы приходит и Фрэнни — телефонный гудок становится для неё той лишённой значения и смысла тишиной, которая предваряет слова Бога «Да будет свет», что для всех Глассов является важнейшим проявлением синкретизма.

Важно отметить, что проблему можно рассматривать в том числе и как взаимоотношения «всего», акцентированной человечности, и «ничего», первозданной тишины.

Литература

1. Галинская И.Л. Загадки известных книг. М.: Наука, 1986.
2. Галинская И.Л. Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера. М.: Наука, 1975.
3. Сэлинджер Дж.Д. Фрэнни и Зуи. М.: Эксмо, 2010.
4. Финкелстайн С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе. М.: Прогресс, 1967.